

А.В. Кынев. Итоги 8 сентября 2013: между перспективами усиления новых проектов и региональных автократий

Я, конечно, буду говорить не совсем про федерализм, скорее, про тенденции прошедших выборов в региональном разрезе с точки зрения, как это повлияет и уже влияет на ситуацию в регионах, на взаимоотношения центра с региональными элитами. Поэтому, собственно говоря, от региональной кампании я и буду отталкиваться.

В ходе этой кампании, наверное, некоторые из вас знают, что был проект мониторинга региональных выборов, который проходил в рамках Комитета гражданских инициатив (это проект, которым я занимался). Мы выпустили шесть докладов, достаточно подробных и в них есть достаточно много статистики – от этапа подготовки к выборам до этапа подведения результатов. Поэтому кого интересуют большие подробности, я могу адресовать к тем докладам – они все вывешены на сайте Комитета гражданских инициатив и с ними легко ознакомиться.

Если говорить в целом, общими мазками обрисовать то, что у нас произошло, то та перезагрузка партийной системы, которая произошла после декабря 2011 года и если ее попытаться в цифрах озвучить: прошлый год, когда был единый избирательный день в октябре и единый избирательный день 8 сентября. Но вот элементарные отличия.

В прошлом году эффект создания новых политических партий практически не оказывал влияния, могло участвовать (в зависимости от даты, когда стартовала кампания в регионе) от 16 до 27 партий. Большинство из них были спойлеры, то есть фактически серьезных проектов даже зарегистрировано не было – они только учреждались и в выборах участвовать не могли. То есть богдановские партии тогда все существовали, кроме одной. При этом, «Гражданской платформы» тогда еще не было, «Альянс зеленых» – только-только учреждался и т.д.

Сейчас количество партий, которые могли участвовать, увеличилось в два раза до 54. Почему цифра плавающая? Объясняю для тех, кто не знает. В регионе кампания стартовала в разные дни. Регистрация партий продолжалась. Поэтому если кампания в одном регионе стартовала на три дня позже, там количество партий оказывалось другим, потому что на следующий день могла добавиться еще одна партия. Поэтому плавающая – от 48 до 54.

При этом в прошлом году количество выборов было намного меньше – было всего 6 выборов региональных парламентов, сейчас – 16. На 10 регионов больше. И регионы гораздо более конкурентные, география более широкая.

В прошлом году было в среднем выдвинуто около 14 списков, в этом году – 19. То есть этот год – это абсолютный рекорд по количеству выдвинутых списков на регион. Такого не было ни разу с момента принудительного введения смешанной системы с 2003 года. То есть это пока абсолютный пик в истории развития нашей страны.

Но сразу сделаю оговорку: конечно, из них значительная часть – это спойлеры. В бюллетенях при этом осенью прошлого года было 13 списков, то есть отсеивал всего 2,4 % между выдвинутыми и оказавшимися в бюллетенях, а на этот раз в бюллетенях было 274 списка из 306 выдвигавшихся, то есть отсеивалось с 2,5% в прошлом году. На этот раз было снято или снялись сами с выборов 10,5% списков. Таким образом, получается, что в 4 с лишним раза увеличился отсев, то есть в 4 раза за год механизмы селекции усилились. Что за этим стоит?

Изначально либерализация партийного законодательства была, конечно, никаким не актом доброй воли и вовсе не стремлением ни к каким демократическим выборам, а сугубо к прагматическим технологическим ответам на проблему стратегии: «голосуй за любую другую партию». Стратегия нулевых, то, что было одним из ключевых элементов политической философии господина Суркова: «управляемая партийность –

ограниченная конкуренция» или если кому так больше нравится «ограниченная партийность – управляемая конкуренция».

Власть сокращала количество политических партий, считая, что чем меньше игроков, тем ими легче управлять, легче согласовывать списки. Все ходят в кабинеты – этого можно, этого нельзя; этих пускаем – этих не пускаем.

Но в качестве побочного эффекта, как любое решение имеет свою цену, это решение привело к тому, что началась мобилизация протестных голосов вокруг тех немногих, кто был допущен на выборы. В концентрированном виде это выразилось в стратегию: «голосуй за любую другую партию», которая стала уже основной философией мобилизации электората в избирательной кампании 2011 года, которую реализовывала одновременно как системная, так и несистемная оппозиция. Там можно посмотреть даже по анализу агитации, которая в 2011 году была.

Оставалось полшага до следующего этапа – эволюции политической системы, мутации сателлитов и возможно «опрокидывающие» выборы. Эта угроза была воспринята очень сильно. Это хорошо видно по поведению конкретных партий. Допустим, яркий пример – это «Справедливая Россия», как она себя вела при 7% и при 14%.

Соответственно, ответом стала ставка на размывание протестных голосов, регистрация большого количества новых проектов с тем, чтобы они топили друг друга, оттягивали друг у друга голоса и т.д. Однако опять-таки у этого решения тоже была своя цена вопроса, так же, как она была у управляемой партийности времен господина Суркова.

Поскольку все партии были во многом искусственными, и власть силой заставляла кандидатов идти в партии, с которыми их не связывало ничего, кроме прагматического интереса получить право участвовать в этих выборах. Прагматики шли абсолютно во все партии. И все партии размывались. Во всех партиях уменьшалась доля идеологических ядер, но в первую очередь – в самой партии власти. Поэтому, либерализуя законодательство, создавая

огромное количество игроков, размывали не только голоса за всех остальных, но и за нее тоже, так как создавали площадки, в том числе и для тех же региональных элит, у которых появлялся альтернативный вариант поведения, если их по какой-то причине не устраивает губернатор или у них какие-то конфликты разного рода и вида и т.д.

Таким образом, уже на этапе выдвижения стало очень ярко видно: практически по всем регионам началась диффузия из абсолютно всех системных партий, в первую очередь «Единой России». Да, конечно, шли перемещения и в традиционной между партиями системами, то есть люди из «Единой России» переходили из «Справедливой России», из «Справедливой России» - в «Единую Россию» и т.д., но при этом практически все партии стали терять какие-то местные элитные группы конкретных политиков, которые стали уходить в партию «Родина», «Партию пенсионеров», в «Альянс зеленых - Народную партию», «Гражданскую платформу», даже где-то в «Яблоко».

С одной стороны, и периферийные ранее партии стали усиливаться типа «Патриотов России» и «Яблока» кое-где на местах, с другой стороны - и новые партии стали аккумулировать те элитные группы, которые себя плохо почувствовали в партиях системных. Таким образом, этот процесс в отличие от прошлого года приобрел достаточно массовый характер. И на следующем этапе, когда стало понятно (это было зафиксировано даже заголовком нашего доклада), началась истерика.

И кампания, которая начиналась за здравие, с разговоров про конкуренцию, свелась к тому, что мы увидели резкую эскалацию предвыборных зачисток и недопуска оппозиции по самым скандальным поводам. Эти истерики на региональном уровне: если посмотреть их географию, то регионы там делятся на несколько групп, но наиболее скандальная ситуация – в Ярославской области, город Рязань, Владимирская область, Якутия, выборы в Тюменскую городскую Думу.

И показательно, что практически при всех разговорах на федеральном уровне Центр, по сути дела, ничего с этим сделать не смог. Не захотел или не мог – это вопрос дискуссионный. На практике ничего не получилось. Количество случаев, когда местное самоуправство было отменено и кого-то вернули на выборы – исчисляется единицами, а количество отказ – десятками.

Поэтому практически никого из снятых серьезных игроков не только не вернули, более того – на последнем этапе кампании снятия продолжались, невзирая не все разговоры в Москве. То есть там продолжились зачистки снятия кандидатов по округам, например в Ярославской области, Иркутской области и так далее.

В этом смысле разговоры на федеральном уровне про какие то новые демократические стандарты якобы, не сказывались на регионах почти. В мажоритарных округах ситуация была еще хуже. То есть если по спискам отсеив между теми, кто выдвигался, дошел до бюллетеня, был 10,5%, то в мажоритарных округах активность была следующая: отсеив между выдвижением и днем голосования составил около 18%, а среди самовыдвиженцев – 58%. То есть среди партийных кандидатов до дня выборов дошло 9,7 выдвинутых, а среди независимых кандидатов – не дошло 58,5. Для сравнения: в прошлом году общий отсев был 11, в этом – 17, то есть рост в мажоритарных округах с 11 до 17% отсева, среди самовыдвиженцев, рост отсева за год с 40 до 58%.

Совершенно очевидно, что степень авторизации региональных выборов за год выросла. По сути дела, статистика откатилась в ситуацию до 2011 года - на уровень 2009-2010 годов. Кое-где в регионах стало даже хуже, чем было за последние 5 лет. Есть регионы, где регресс был абсолютный.

Тем не менее полностью восстановить этот процесс перетока элит в новые проекты было невозможно, нельзя было снять всех. Поэтому все равно значительная часть игроков до выборов дошла. И в результате мы получили гораздо более политически конкурентные выборы с точки зрения

результатов. Многие новые партии прошли в региональные парламенты, в местные советы, кто-то избрался мэрами и т.д. Самый яркий пример – Ройзман. Все это дополнительно усиливалось фактором Навального, который собрал голосов больше, чем все кандидаты старых партий вместе взятые.

Следующим этапом после выборов стали следующие шаги. Раз ничего не получается с попытками остановить процесс, лавина не останавливается, все равно идет процесс выхода на арену новых игроков, усиления новых фигур и новых партий. Причем как антисистемных, так и имеющих. Яркий пример того же коммуниста Куринного в Ульяновской области, который победил секретаря политсовета «Единой России» Дмитриева по своему мажоритарному округу. Молодой парень - местный Навальный. Ответом стало: «Не можем остановить, тогда будем ликвидировать партии как таковые». Фактически процесс антипартийной реформы – ослабление роли партии как института в виде вытасченного и сразу принятого в первом чтении 11 сентября и лежащего до этого почти без движения «законопроекта Клишаса» о сокращении минимальной доли депутатов Заксобраний от партий до 25% и предоставления права вообще упразднить партийных депутатов в органах местного самоуправления, то есть полный демонтаж медведевского законопроекта о том, что города и районы должны иметь в обязательном порядке смешанную систему, если там более 20 депутатов. По сути дела, отмена одной из ключевых медведевских реформ как таковой.

Таким образом, что у нас получается? Получается, что мы имеем противоречие борьбы, с одной стороны, за понимание важности легитимности, с другой – страх утраты контроля. Причем он снизу доверху и зачастую в головах одних и тех же чиновников. И то, что на федеральном уровне борьба за эту легитимность тоже носит отчасти показушный характер, на мой взгляд, - это признак того, что перенос выборов на 8 сентября, который стал одним из факторов делегитимизации низкой явки, - это решение было продавлено именно из федерального Центра. Я не знаю ни одну местную администрацию, ни одного местного технолога, который был

бы «за». Стоял вой и недовольство в избиркомах, в штабах политических партий, администраций - никому не нужное решение, которое было продавлено через колено Москвой.

Поэтому говорить, что Москва – за легитимность, а регионы – против, неправда. Москва переносила выборы на сентябрь. Это был ее каприз и вполне конкретных людей каприз.

Второе. Неизбежно появление и усиление новых фигур. И даже не зависимых ни от партийной реформы, ни от чего, потому что приток новых политиков был искусственно закрыт в течение всех нулевых годов. Вся ключевая партийная номенклатура в России не менялась более 15-20 лет. Все лидеры политических партий – те же самые. В этом смысле – эффект отложенного спроса. И усиление новых партий, и выход фигур типа Навального – здесь абсолютно закономерен.

Поэтому в этой ситуации выбор Центра очень простой – или новые, но федеральные игроки, т.е. вы миритесь с тем, что приходят новые люди, но понимаете, что они такие же федералы, как и вы, и они заинтересованы в целом в укреплении федеральных институтов, потому что они претендуют на ту же федеральную власть. Либо - через антипартийную реформу, ставку на усиление региональных автократий, что не может не вести к рискам децентрализации.

Я привел статистику по мажоритарным округам. Если среди партий отсеяно 10%, а в мажоритарных округах – 17%. Почему такая разница? Кандидату по округу намного тяжелее защитить свои права. Их много и голос меньше слышен. У них нет доступа на федеральные СМИ: федеральные СМИ не могут писать про каждый мажоритарный округ в каждом регионе. У них нет возможности нанять юриста, который будет защищать себя в Верховном Суде, и так далее. Поэтому степень самоуправства на уровне округов и степень беспредела на уровне мажоритарных округов в регионах намного-намного более сильны, чем случаи с партиями, которые эшелонированы и встроены в систему. И все-

таки партии защищают худо-бедно своих ставленников на местах, потому что это элементы их федерального престижа.

С округами такой ситуации нет. Поэтому усиление доли мажоритарных округов автоматически усилит самоуправство регионов, особенно в ситуации, когда центр по факту ничего не может сделать с местными администрациями.

Самый яркий пример с Хакасией, когда три раза подряд сняли с выборов список «Республиканской партии», хотя было два постановления Центризбиркома. Все равно – три раза подряд партию фактически с выборов снимали. Почему это происходит? Мой ответ заключается в том, что, невзирая на формально жесткие законы по факту, все губернаторы инкорпорированы в федеральные элитные группы, за спиной каждой стоит кто-то, кто его либо пролоббировал, либо на чью поддержку он опирается. Поэтому да, вроде бы нельзя, но когда они понимают, что у меня крыша Шойгу, а у меня крыша Сечин или кого-то еще, можно и плевать на все остальное. И никто ничего сделать не может.

Таким образом, усиление возможности управлять выборами не может не привести к усилению авторитаризма.

Посмотрите ситуацию в Рязанской области, когда в прошлом году с помощью ценза протащили непопулярного губернатора Ковалева. Он, укрепившись и фактически получив легитимность еще на 5 лет через прямые выборы, устроил такую вакханалию в этом году на выборах в Рязанскую городскую Думу, сняв там практически все основные элитные группы, которые не стали с ним договариваться, либо устроив настоящую травлю против них, включая двух бывших мэров и т.д.

Особенности агиткампании – так, пунктирно. Поскольку выборы перенесли на сентябрь, - массовая предварительная агитация, чего не было никогда, поскольку избиратели уезжают в отпуска. Естественно, серьезные кандидаты начинали вести где-то в феврале-марте, в апреле, летом было затишье. Таким образом, перенос выборов фактически делает кампанию не

трехмесячную, а полугодовую по факту - там, где есть серьезные игроки, что не может не сказываться на специфике деятельности региона и политики администрации.

Ставка на низкую явку привела к тому, что (действительно это очень хорошо видно по цифрам) по всем абсолютно регионам явка ниже, чем была на прошлых выборах такого же уровня в этом же регионе. Выборы во Владимирской области – это новый антирекорд. Самый низкий результат явки на выборах губернатора за всю историю проведения их в современной России – 28,5%. И средняя явка ниже, чем была в предыдущие избирательные дни, и по конкретным регионам она ниже, чем была на предыдущих аналогичных выборах, не совмещенных с федеральными - я сразу сделаю оговорку.

Основными механизмами власти были: косвенная агитация под видом профессиональной деятельности, маскировочная технология, когда агитация ведется не якобы от власти, а от неких инициатив, с ней связанных, неких симулякров неких движений, инициатив, которые власть выдвигает. Резкая активизация спойлеров – в прошлом году они были в бюллетенях, но кампании не вели. В этот раз они были очень агрессивны: они ходили на дебаты, они выпускали газеты, листовки. «Коммунисты России» говорили, что «мы настоящие коммунисты, а КПРФ – ненастоящие» и т.д. Но все это, конечно, - борьба за избирателя - не очень продвинутого, того, кто привык смотреть «в ящик». Все эти технологии и маскировочные косвенные агитации и спойлеры – они направлены на определенный сегмент избирателей, не очень продвинутых и конформистских в целом.

Одновременно с этим появляется новый процесс – и он очень хорошо виден в Москве, Екатеринбурге, отчасти в Красноярске - в крупных городах возникло ощущение, что идут как будто две параллельные кампании: есть власть со всеми своими инерционными технологиями – в одной плоскости и совершенно в другой плоскости – абсолютно другие кампании, которые вели Навальный, Ройзман и даже Быков, хотя Быков – никакая не новая фигура.

Но кампанию Быков вел, абсолютно не прибегая к услугам официальных медиа. Это – яркий креатив, это выход к людям, это мощнейшие кампании в соцсетях и т.д. То есть они вели кампанию просто вопреки всему тому полю, в котором шла манипуляция. Они мобилизовывали избирателей сами, вообще не обращаясь к никаким официальным каналам. И получилось так, что фактически альтернативные кампании мобилизации оказались зачастую мощнее, чем кампании с сознательным занижением явки. И там, где был сильный харизматический лидер, он оказался в состоянии мобилизовать протестный электорат. И это – ситуация и Ройзмана, и Быкова, и того же Навального.

Это хорошо видно по статистике. Если посмотрим Москву, то явка 32% - в Москве. Если взять выборы в прошлом году в Мосгордуму – около 35%, выборы мэров не берем, так как выборы в мэры всегда были совмещены с выборами Госдумы, поэтому там статистику сравнивать нельзя. Но надо понимать, что все предыдущие выборы в Мосгордуму имели около 10% вброса и рисовки. Здесь этой рисовки не было, то есть 32% чистой явки. Тогда чистая явка была 22-25%, не выше. В этом смысле явка в Москве на общем фоне, особенно на 8 сентября, оказалась высокой. И явку «поднимал» единственный игрок, который единственный в был заинтересован в электоральной мобилизации – господин Навальный. Больше никто кампании по электоральной мобилизации в Москве не вел.

Вот косвенная агитация – Красноярск. Весь город заставлен рекламными щитами господина Акбулатов с его цитатами. Прямой агитации «Единой России» вообще не было, только косвенная агитация. Ни одного плаката за «Единую Россию». Только цитаты из Акбулатова.

Внизу – Бурятия. Рекламная серия «Бурятия: традиции добра», одновременно «Бурятия: добрые традиции», медвежонок, который потом присутствовал на самых разных рекламных носителях. Естественно, это социальная реклама, как вы можете догадаться, а не партия.

Хакасия. Все заставлено – чуть ли не на каждом углу стоит рекламный щит – «Время земли», «Время любить», «Время любопытных». Вот вам буклетик одного из кандидатов – посмотрите на логотип сверху: это уже партийная агитация. Понятное дело, что кампания велась за деньги бюджета под видом косвенной агитации. Больше не было ничего. Деятельность других партий отсутствовала – что бы то ни было.

Владимир. В агитации некий условный «она» - напоминаем, что госпожа Орлова стала его губернатором, особа женского пола. И вот было все про «ону», которая возбуждает, приносит перемены и много чего – все это «она», «она». Кто такая «она»? Оппозиция выпускала газету про Фрекен Бок в это время, которую не разрешали печатать.

Вот маскировочные технологии. Но, конечно, писк это верхний угол (на слайде). Ростовская область – единственный регион, где шла агитация под эгидой незабвенного «Народного фронта», но любители Америки поймут, что, видимо, тут люди – большие ценители Барака Обамы - буквально перевели предвыборный лозунг: «Перемены, в которые ты веришь». Это - Ростов.

Шулепов (внизу) – Вологда, выборы мэра, то есть агитация под выбором: «Народные выборы – народная программа». Башкортостан по обновлению. «Милосердие и порядок» - тоже Владимирская область. Это - лидер списка «Единой России». Рекламных щитов самой «Единой России» не было, были рекламные щиты организации «Милосердие и порядок».

Вот - спойлеры. Резкая активизация спойлеров, вот пример КПСС. Это – Ярославль: «Партия за справедливость» и «Коммунисты России».

Вот Забайкалье. Вот пример. Вот «Коммунисты России». Вот против «Гражданской платформы» листовка КПСС, а вот «Коммунисты России» - наезды не только на Зюганова, но и на Жириновского. То есть – очень агрессивно на всех.

При этом старая оппозиция пока, видимо, не научилась, что делать со спойлерами, и примеров такой борьбы между старыми-старыми партиями-спойлерами – очень мало.

Один из немногих – Иркутская область. Слева – агитация «Коммунистов России», которой было на порядок больше, чем агитации КПРФ. Весь город был заклеен агитацией «Коммунистов России» - на каждом столбе, на каждой двери. Такое ощущение, что КПРФ не существует. Агитация была такая.

КПРФ вела агитацию в соцсетях. Вот вам такая ответная фотожаба, которую размещали коммунисты на местных форумах. Это – лидеры списка «Коммунистов России», делал видимо Павел Петухов – один из активистов горкома КПРФ.

«Гражданская позиция» – попытка другого рода... Здесь – очень интересный момент. Если коммунисты говорили о том, что они не настоящие, а мы – настоящие, то «Гражданская позиция» не пыталась говорить подобного, она пыталась выпускать, очевидно, такую мракобесную агитацию от своего имени в расчете на то, что избиратели воспримут это как агитацию «Гражданской платформы». То есть таким образом дискредитировала Прохорова в понятной теме: 12-часовой рабочий день, Куршавель и все остальное.

Допустим, во Владимире у них был лидер списка – Филиппов и был Филиппов, только Александр, у «Гражданской платформы». Видите, в агитации имени у них нет, и люди не понимали, какой Филиппов.

Появилась партия «Против всех», причем она в Ивановской области заняла в бюллетенях случайным образом первое место. Есть регионы, где «Гражданская позиция» ровно на строчку выше «Гражданской платформы». Жеребьевка у нас происходит, как всегда, совершенно изумительно. Она получила около 3% голосов – «Партия против всех» (Иваново).

Что интересно, если посмотреть: вот это сравнение результатов спойлеров. Вот КПРФ - первый столбец, второй – КПСС, третий столбец -

«Коммунисты России». Обратите внимание: в Иркутской области, где «Коммунисты России» вели агитационную кампанию активно, они – провалились, то есть активная, агрессивная агитация, что «мы – настоящие коммунисты, КПРФ – ненастоящая», привела к тому, что люди поняли, что «Коммунисты России» - как раз не КПРФ, за нее в итоге – не голосовали. А КПСС, которая ни одной листовки в Иркутске не выпустила, – получила почти 3 процента голосов. То есть чем агрессивнее спойлеры себя ведут, говоря, что они настоящие, тем люди быстрее понимают, что они спойлеры, и голосовать перестают. Это парадокс.

А вот очень интересная ситуация с «Гражданской позицией». Посмотрите Владимирскую область. Попытка полностью мимикрировать и выпускать от своего имени не известно что, чтобы они решили, что это агитация «Гражданской платформы», оказалось гораздо более эффективной: они получили почти половину голосов от «Гражданской платформы» во Владимирской области.

Таким образом, спойлер сегодня, с одной стороны, - это вызов для серьезных партий между лояльностью и самостоятельностью, потому что в нулевые годы, когда работала стратегия «голосуй за любую другую партию», можно было не делать ничего в надежде на то, что люди придут в день голосования, получат бюллетени, проголосуют просто потому, что никого больше нет. И многие так кампании продолжают вести по инерции. Но это уже не работает, потому что, если вы ничего не делаете, понять, чем вы отличаетесь от спойлеров, – невозможно. Поэтому активное использование спойлеров неизбежно будет вести к радикализации системных партий. Если этого не будет, просто-напросто их заменят новые игроки – тот же Навальный или кто-то еще другой.

Второй эффект – постепенное привыкание. Люди будут привыкать, что есть другие партии, которые размывают голоса, и соответственно эффект будет снижаться со временем – не все сразу.

Необходимость политпросвещения системных партий. Если захотят выжить, они будут этим заниматься. И самое главное – только яркие кампании, яркие лидеры нейтрализуют спойлеров. Таким образом, можно сказать, что массовое применение спойлеров – опять-таки это сиюминутная технология власти, но в качестве долгосрочного тренда она не может не вести к радикализации даже партий системных.

То же самое будет происходить с графой «против всех». Если будет попытка ее вернуть, то ее реально вернут, то тогда будут конкурировать не только с властью, сколько с антисистемным голосованием. Это означает, что нет другого пути, кроме как повышать собственную антисистемность.

xxx

А.В. Кынев. Я бы не согласился, что Центр стремился ограничивать и мешать. Да не стремился он ограничивать и не мешать. Не было этого. На уровне слов было, а на уровне конкретных дел этого не было.

С.И. Рыженков (?). Была установка – раз. И это была политика...

А.В. Кынев. Это была установка на встречах с политологами, которые тусуются в известном месте. С точки зрения практической деятельности оценка результатов по процентам никуда не делась. То есть все принципы, на которых строилась система вертикали..., никуда не делись. А поскольку все основные элементы, оценки деятельности остались прежними, то и ведут себя точно так же. И технологи, которые присылались оттуда, вели себя точно так же. Были кураторы в регионах которые транслировали из иных регионов опыт манипуляций и прямых фальсификаций. Совершенно очевидно, что ключевые, топовые фигуры этой самой системы вели себя на местах точно так же, как они вели себя до этого. На их практическую деятельность это вообще никак не сказывалось.

Судебная система работала еще жестче, чем она работала в прошлом году. Только не надо мне говорить, что судебная система на уровне даже Верховного суда защищает интересы регионов. Она работает в рамках очевидной тенденции запретительства. Практически никого, кто дошел до

Верховного суда, на выборы не вернули. То есть все решения Избиркома о недопуске кандидатов на выборах в судебной системе подтверждались. Что губернатор контролирует Верховный суд что ли? Нет, конечно. Это шло из центра.

Да, есть попытка в рамках определенной парадигмы работать на публичный имидж, связанный в том числе с успокоением активной части общества, созданием неких ожиданий, спецификой взаимоотношений с элитами и т.д. Но на практике либо не можется, либо не хочется. Поэтому почти ничего не делается. Количество точек, где делается, очень маленькое.

Второе – массовое кидание системной оппозиции. Потому что то, что происходит после выборов, - Центр начал фактически откровенно кидать системную оппозицию. Потому что более корректного слова не существует. Просто кидает. То есть вначале ее полтора года уговаривали вернуться в ложе стабильности и поддержать все, что вносилось, даже самое дикое и одиозное. Теперь ее лишают всех площадок, на которых она вообще имеет какой бы то ни было смысл.

Вот что сегодня по факту происходит. Поэтому я думаю, что реально, конечно, никакого всплеска федерализма, на мой взгляд, в ближайшей перспективе быть не может. Если считать федерализмом любые взаимоотношения регионального барона с Центром, может быть, это федерализм. Но, на мой взгляд, это совсем другое. Это чистый торг. Это не институциональные вопросы. Политинституты от этого не выигрывают.

Мне кажется, единственное, на что сейчас имеет смысл бить, - объяснять тем людям, которые принимают решения, что чрезмерная попытка ослабить новых федеральных игроков и все это убрать на региональный уровень, превратить оппонентов в винегрет большого количества маленьких и слабеньких игроков. Типа пускай они в регионах конкурируют, чтобы до федерального уровня никто не смог дорасти никогда. Но это опасно для страны. И пугать их именно перспективой единства страны на долгосрочную и среднесрочную перспективу и объяснять, что единственным способом

сохранить единство страны в таких условиях является система принудительных ограничений для местных автократий, а им может быть только навязанный сверху федерализм. Не естественный, не нормальный, не логичный федерализм, увы, а федерализм, который навязан как некий формат отношений, который бы жестко бил по рукам и который как раз гарантировал вопросы, по которым они не могли бы переступить через жесткие ограничения.

Я думаю, никакого естественного федерализма мы не получим. Можно было бы убедить кое-кого, что его имеет смысл навязывать через федеральный Центр.

xxx

А.В. Кынев. Типичный лидер общественного мнения – это кто? Начальники, бывшие в том числе, руководители градообразующих предприятий, главные врачи, много лет сидящие уважаемые директора школ. Это то, что было в 1990-е годы. Сейчас есть новое поколение. Сейчас во многих регионах - это блогеры (самые разные: например, Сергей Резник в Ростовской области или есть целая плеяда в Красноярске, Иркутске, даже в Приморском крае). Они вполне эти функции выполняют.

При всей своей кажущейся элитной легковесности... Навальнизация – как процесс существует. И такие региональные местные навалыные – это уже явление, это происходит. Также существуют там, где сильные диаспоры, всегда есть диаспоральные лидеры. Они могут быть непубличными, но они есть. Это совершенно однозначно. Лидерами бывают депутаты, но депутаты бывают именно яркие. Чаще всего, кстати, оппозиционные.

Лидеров депутатов-единороссов я почти не знаю на местах. А вот, скажем, депутат Госдумы, бывший депутат Заксобрания, а сейчас депутат Госдумы – например, Озеров в Костроме (как вариант). Вот вам пример. Депутат областной Думы (бывший), а сейчас Госдумы, фактически неформальный лидер местной оппозиции («Справедливая Россия»). Или Федот Тумусов в Якутии. Такие варианты – достаточно типовой случай.

А.Е. Чирикова. Это не позиция статуса или принадлежности к ...(*неразборчиво*), а, скорее, профессиональные качества.

А.В. Кынев. Это, конечно, личные качества.

xxx

А.В. Кынев.приход в губернаторы крупного бизнеса и некоторых чекистов происходил одновременно. Но губернаторов-генералов было раз-два – могу всех назвать: Шаманов, Егоров-адмирал, два начальника ФСБ Маслов и Кулаков, и Громов – всё. Почти одновременное избрание крупных предпринимателей Абрамовича, Хлопонина, Золотарева, Зеленина. Штыров пришел из «АЛРОСЫ», Логинов из «Корякгеолдобычи» и т.д. Количество крупных предпринимателей, которые пришли в политику тогда, было гораздо больше, чем количество бывших ФСБэшников и бывших генералов.